

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ «РЕВОЛЮЦИИ МЭЙДЗИ»

Академик Е. М. Жуков

Столетие крупных исторических событий в Японии, получивших условное наименование «революция Мэйдзи», послужило поводом для вспышки острой идеологической борьбы среди японских историков и неисториков вокруг оценки указанных событий и определения их роли в становлении и развитии современного японского общества. Дискуссии эти совсем не новы. Они велись на протяжении многих десятков лет. В них оказывались вовлечеными в той или иной степени все социальные силы современной Японии, как прогрессивные, так и реакционные. Споры о существе событий 1867—1868 гг. неизбежно принимали сугубо политическую окраску, приводили к апологетической или, наоборот, резко отрицательной оценке всего государственного строя и социально-экономических отношений, утвердившихся в Японии во второй половине XIX столетия.

Самый термин «революция Мэйдзи», широко употребляемый в литературе, разумеется, несостоителен, поскольку он соединяет совершенно несовместимые понятия — революция и годы правления идеализированного монарха (как известно, «Мэйдзи» — официальное наименование периода правления японского императора Муцухито, 1867—1912). Но это противоестественное словосочетание не случайно. Оно появилось вследствие того, что упразднение сёгуната и номинальный переход всей полноты власти в руки императора в 1867—1868 гг. повлекли за собою ряд крупных изменений в жизни Японии — политического и экономического характера, — приходящихся в основном на «эру Мэйдзи».

Сторонники традиционно-монархических, консервативных начал в Японии, безусловно, отрицают революционный характер событий 1867—1868 годов. Они придерживаются той версии, что благодаря восстановлению власти императора и ликвидации узурпаторского режима сёгуната в истории Японии произошел благодатный перелом, обусловивший быстрое превращение ее в одну из сильнейших мировых держав. В соответствии с этим в консервативно-официозной японской историографии фигурирует термин «Мэйдзи иссин», который означает «обновление Мэйдзи»¹. Вплоть до капитуляции Японии в 1945 г. данная установка была абсолютно канонической, и всякие попытки другой интерпретации японской истории считались крамольными. Тем не менее прогрессивные круги Японии никогда не разделяли взглядов казенно-монархической историографии.

Большинство прогрессивных историков полагало, что социально-экономические и главным образом политические преобразования в Японии, происходившие во второй половине XIX в., никак не связаны с мо-

¹ Термин «иссин» (обновление) в свое время понимался как радикальное изменение в жизни страны. В позднейшей японоведческой литературе он иногда истолковывается как «реставрация».

нархическим режимом, который оказывал тормозящее, а отнюдь не стимулирующее влияние на прогрессивное развитие страны. Однако необходимо подчеркнуть, что среди противников монархической легенды не было единства. Нет его и в настоящее время. Одна довольно распространенная точка зрения заключается в том, что события 1867—1868 гг. не носили революционный характер, а свелись к осуществлению крупной исторической реформы, открывшей путь капиталистическому развитию Японии в условиях сохранения многих дореформенных, полуфеодальных порядков. Сторонники этой точки зрения концентрируют внимание на компромиссе между старыми, феодальными, и новыми, буржуазными, элементами, плодом которых явилось создание централизованного государства с ярко выраженным охранительно-полицейскими функциями, с одной стороны, и агрессивно-милитаристскими — с другой.

Несколько иная оценка событиям 1867—1868 гг. дается теми историками, которые склонны придавать гораздо большее значение массовым выступлениям, направленным против феодализма и против интервенции иностранных держав, непосредственно предшествовавшим ликвидации сёгуната и утверждению нового режима на основе сделки между частью феодалов и буржуазией. Защитники данной концепции склонны признавать в целом революционный характер событий, хотя и с учетом того, что в ходе этих событий слабо организованные, разрозненные силы буржуазной революции были разгромлены контрреволюционным блоком, что предопределило половинчатый, компромиссный характер последовавших буржуазных преобразований.

Существует, наконец, еще одна позиция в оценке «революции Мэйдзи», которая сводится к полному отрицанию прогрессивного характера происшедших в Японии перемен. Последователи данной точки зрения исходят из того, что «обновление Мэйдзи» положило начало реакционному, абсолютистскому режиму, узаконило господство «паразитических помещиков» в японской деревне, обусловило торможение социально-экономического развития страны, придало японскому капитализму сугубо отрицательные специфические черты. Что касается активности народных масс, то, по мнению сторонников данной точки зрения, она приобрела отчетливо революционно-демократический характер лишь в 80-х годах прошлого столетия, когда возникло движение за свободу и народные права («дзию минкэн ундо»), заостренное против японского абсолютизма.

В настоящее время в связи с «юбилейной датой» полемика вокруг оценки 1867—1868 гг. приобрела особенно ожесточенный характер. Идеологии открыто реакционных империалистических сил Японии, поддерживаемые правительственными кругами, стремятся использовать «юбилейную дату» в шовинистических, явно реваншистских целях. Столетие «обновления Мэйдзи» они намереваются превратить в демонстрацию «величия» императорской Японии, в апологию японского монархического режима, хотят приписать ему все достижения техники и культуры, связанные с капиталистическим развитием страны, а заодно и оправдать агрессивную, захватническую политику японского империализма в прошлом.

В прогрессивных кругах Японии не без основания отмечают, что предполагаемое помпезное празднование столетия «обновления Мэйдзи» стоит в одном ряду с такими проявлениями идеологического наступления японской реакции, как восстановление празднования «кигэн-сэцу» (легендарного «дня основания» японской империи). Замысел инициаторов юбилея вполне очевиден. Правящие круги Японии не хотят упустить столь удобный повод для подкрепления своих идейных позиций, как возможность юбилейной интерпретации в шовинистическом духе процесса превращения Японии на протя-

жении сравнительно короткого исторического времени из отсталой, феодальной страны в первоклассную индустриальную державу. Прогрессивные круги Японии с полным основанием разоблачают эти попытки.

Необходимо заметить, что вопрос о трактовке «эры Мэйдзи» приобретает в современной обстановке поляризации классовых сил и обострения идеологической борьбы специфический международный аспект. Не только в Японии, но и в других империалистических странах, прежде всего в США, определенные круги пытаются представить исторический путь подъема и развития японского капитализма как своеобразный эталон, образец трансформации отсталых, аграрных стран, отягощенных грузом остатков и пережитков феодализма, в современные индустриальные государства. Всячески подчеркивается при этом, что Япония, «избравшая» путь капитализма, получила в свое время эффективную поддержку со стороны Соединенных Штатов Америки, Англии и других государств и благодаря этому за короткие исторические сроки не только освободилась от всяких форм неравноправия и зависимости, но и стала партнером и союзником великих держав. «Мораль» этой концепции состоит в том, что слаборазвитые страны Азии и Африки приглашаются повторить «японский опыт», взять курс на развитие капиталистических отношений, не проводя при этом сколько-нибудь глубокой насильственной ломки существующих традиционных институтов и опираясь на «бескорыстную помошь» Соединенных Штатов Америки. Такова современная неоколониалистская антитеза стремлению многих развивающихся стран избежать тягостных для народных масс «классических» путей приобщения к буржуазной цивилизации, избрав некапиталистический путь развития.

Таким образом, тенденциозная трактовка одной из проблем японской истории входит сейчас в арсенал идеологических средств империалистического давления на те развивающиеся страны, в которых развертывается внутренняя борьба по вопросу о путях дальнейшего развития. К сладкоречивым эмиссарам из «Корпуса мира» присоединяются коммивояжеры японского происхождения, расписывающие прелести капитализма, восхваляющие частную предпринимательскую инициативу и решительно осуждающие политику расширения и укрепления государственного сектора в экономике развивающихся стран. Разумеется, никто из этих пропагандистов, популяризирующих «японский опыт», не склонен распространяться на такие скользкие темы, как причины особой дешевизны рабочей силы в Японии, как роль агрессивных войн и колониальных захватов в развитии японского капитализма, как не устанные до сих пор до конца пережитки средневековья в японской жизни, как подлинная цена американской «дружбы» и покровительства японцам, начиная со времен коммодора Перри и вплоть до сегодняшнего дня, когда на японской территории удобно расположились все виды вооруженных сил США.

«Японский опыт» заслуживает изучения, но, разумеется, отнюдь не для подражания ему со стороны современных развивающихся стран, добившихся национальной независимости в условиях ослабления капитализма, роста социализма в мировом масштабе. Превращение Японии в капиталистическую державу происходило в совершенно иную историческую эпоху, при безраздельном господстве буржуазных общественных отношений. Япония «выбилась в люди» ценой не только тяжелых испытаний для японских трудящихся, но и страданий других народов, ставших объектом военно-колониального разбоя японских капиталистов и помещиков. Современная эпоха открывает принципиально другие, гораздо более благоприятные возможности для преодоления экономического и культурного отставания, укрепления национального суверенитета развивающихся стран. Перспектива социалистического

развития стала доступной реальностью для всех народов. Социальный прогресс получил возможность осуществляться более непосредственно — не в тех жестоких, антигуманных формах, которые присущи антагонистическим обществам. Всякие попытки идеализации «японского опыта» тенденциозны, антиисторичны и совершенно несостоятельны. Однако означает ли это, что следует вообще игнорировать события 1867—1868 гг., пройти мимо данной исторической даты и тем самым уступить ее истолкование идеологам японской реакции?

Становление и быстрое развитие японского капитализма после свержения сёгуната — исторический факт. Япония — одна из немногих стран Азии, которая не только избежала колониального закабаления, но сама в течение короткого срока стала крупным империалистическим хищником. Несмотря даже на то, что молодой японский империализм, добываясь господства над своими соседями, показал себя не менее жестоким угнетателем народов Азии, чем западные империалистические державы, развитие капиталистической Японии в самом начале века было предметом зависти для азиатских стран, многие представители которых, выражавшие настроение националистических буржуазных кругов, призывали изучать достижения Японии, следовать ее примеру. Нельзя отрицать, что облик Японии после 70—80-х годов прошлого века резко изменился. Развитие промышленности сопровождалось количественным и качественным ростом японского пролетариата. Этот важный процесс протекал более быстрыми темпами, чем во многих европейских странах. К началу XX в. передовые люди Японии стали приобщаться к идеям социализма. В трудных условиях полицейско-милитаристского гнeta зрели и укреплялись те общественные силы, которые стали носителями прогрессивных, передовых начал в жизни страны. Нет сомнения в том, что сравнительно высокие темпы экономического и культурного подъема Японии на базе восторжествовавших капиталистических общественных отношений могли бы быть еще более быстрыми, если бы страна не была обременена тяжким грузом докапиталистических — феодальных и полуфеодальных — пережитков как в базисе, так и в надстройке. Трудящиеся массы Японии оказались обреченными на особо тяжелые условия существования вследствие консервации архаичных, «допотопных» форм эксплуатации, соединенных с самыми новейшими методами капиталистического хозяйствования.

И тем не менее было бы близорукостью не видеть того, что Япония сравнительно быстро выдвинулась на положение высокоразвитой индустриальной державы, а источники ее продвижения на этом пути восходят к тем социально-политическим переменам, которые начались сто лет тому назад. Очевидно, что процесс перехода феодальной Японии на рельсы капитализма — независимо от тех конкретных форм, в которых он проявлялся, — имел вполне определенное прогрессивное содержание. Он явился результатом действия объективных экономических законов, выразившихся в деградации феодальных производственных отношений, в зарождении капиталистического уклада в недрах феодального общества. Вместе с тем этот процесс не мог бы завершиться, если бы не имела места политическая активность определенных социальных сил, если бы не было классовой борьбы — важнейшего фактора ускорения прогресса в антагонистических обществах. С этой точки зрения события 1867—1868 гг., сопутствовавшая им острыя политическая борьба защитников и противников феодализма (под какими бы причудливыми идеальными знаменами они ни выступали) носили, безусловно, революционный характер. Речь шла о замене одной социально-экономической формации другой. Компромиссный исход борьбы, ограничивший пределы непосредственной победы буржуазных общественных отношений, не изменил общего направления социально-экономического развития. Конечно, развитие это оказалось отнюдь не пря-

молинейным, уродливым, что возложило дополнительное бремя на плечи трудящихся масс. Но тем не менее в конечном счете полностью восторжествовали именно капиталистические производственные отношения. Было бы ошибкою исходить из оценки исторических явлений с этических позиций.

Утвердившийся в Японии политический режим, который условно можно назвать «абсолютизмом», — глубоко реакционный, антинародный институт, существование которого вызывало естественное возмущение передовых людей японского общества. Грубый деспотизм, полицейский произвол, царившие в Японии, несколько маскировались буржуазными конституционными формами. Правящие классы Японии — буржуазно-помещичий блок — допускали минимум модернизации социальных условий жизни страны, стремясь сводить ее преимущественно к украшению фасада, к внешности. Было бы, однако, ошибкою полагать, что господствовавшая олигархия могла совершенно игнорировать общественное мнение, не считаться с возраставшей активностью политической оппозиции, хотя и довольно разношерстной — от умеренно-либеральных представителей соперничавших военно-бюрократических клик и вплоть до демократически настроенной «разночинной» интеллигенции. Сами конституционные реформы, проводившиеся в Японии, являлись результатом определенного давления снизу на правительственные круги, которые, однако, упорно делали вид, что конституция является якобы абсолютно добровольным даром просвещенного монарха. Реальные правители Японии, сделавшие немало для ускорения процесса ее капиталистического развития (в этом отношении можно понять тот своеобразный культ «деятелей Мэйдзи» — Ито Хиробуми, Гото Сёдзиро, Итагаки Тайскэ, Окума Сигэнобу и других, который усиленно поддерживается не только консервативной, но и либеральной буржуазной историографией), как правило, изыскивали наименее демократический, самый ухудшенный вариант проводившихся ими буржуазных реформ. В этом отношении показательно то влечение к прусско-германским «образцам», которое объясняется не только чисто политическими соображениями, стремлениями закрепить власть монархии, обеспечить привилегии военщины и бюрократии, но и особой привлекательностью для «деятелей Мэйдзи» именно прусского пути развития капитализма. Реакционный, антинародный характер политического режима, утвердившийся в Японии в конце прошлого столетия, не подлежит сомнению. Но это не снимает вопроса о социально-экономической природе происшедших в стране преобразований. На смену феодализму пришел капитализм.

Трусливая японская буржуазия, с момента своего рождения приспособившаяся к безраздельному политическому господству феодалов, охотно поддержала монархию как централизованную, сильную власть, устранившую ранее существовавшие рогатки для свободного капиталистического предпринимательства. К тому же очень скоро монархия показала свою способность восполнить тревожившую буржуазию узость внутреннего рынка, замедлившую темпы капиталистического развития, активной колониальной экспансией. При всей относительной самостоятельности японского «абсолютизма» в той форме, в какой он сложился во второй половине XIX столетия, бесспорно, что он во все возраставшей степени служил интересам капитализма, постепенно захватывавшего господствующие позиции не только в городе, но и в деревне. Алчная японская буржуазия ловко использовала в своих интересах те многочисленные пережитки феодализма, которые сохранились в стране. Именно это позволило ей применять самые варварские формы эксплуатации рабочего класса, начиная с методов вербовки рабочей силы и вплоть до «патерналистских» принципов зараженной оплаты труда. В этой практике один из «секретов» быст-

рого взлета японского капитализма, его способности выдерживать конкуренцию с крупнейшими индустриальными странами мира.

Но так или иначе, нельзя зачеркнуть значение и место «эры Мэйдзи» в истории Японии. Отказываясь от юбилейного подхода к дате свержения сёгуната и ликвидации феодальных порядков в стране, необходимо дать трезвую научную оценку «революции Мэйдзи» как важной, переломной полосе в становлении современной Японии, в ее переходе на рельсы капитализма. Специальная историческая литература дает поистине гигантский материал, характеризующий различные стороны событий 1867—1868 гг., их предпосылок, хода развития и последующих реформ. Всесторонне изучены экономические, социальные и идеологические факторы крушения сёгуната. Много внимания уделено анализу зарождения первичных форм капиталистических отношений в порах феодального общества. Исследован размах антифеодальных революционных выступлений крестьянства, а также определенной части городского населения. Показан «кризис верхов», связанный с процессом разложения привилегированного воинского сословия. Наконец, опубликован немало материалов, посвященных выяснению влияния так называемого внешнего фактора на ход событий в Японии: результатов вторжения иностранного капитала, заключения серии неравноправных договоров, навязанных сёгунату, подъема антииностраных чувств в различных слоях японского общества и, наконец, прямой вооруженной интервенции ряда капиталистических держав. Факты установлены и подтверждены многими документальными источниками. Дело сводится, стало быть, в основном к интерпретации фактов.

Специфика буржуазной революции 1867—1868 гг. состояла в том, что, несмотря на то, что феодальный строй окончательно прогнил, японская буржуазия не являлась революционной силой, а крестьянство и городская беднота не были политически организованы, выступали против феодализма стихийно и разобщенно. Следовательно, в Японии отсутствовал тот субъективный социальный фактор, который был бы способен довести до конца разрешение революционных, антифеодальных задач, поставленных в порядок дня объективным развитием социально-экономических процессов в стране. И все же буржуазная революция в данной исключительно неблагоприятной обстановке произошла. Капиталистические производственные отношения в конечном счете восторжествовали. Что же касается народных масс, то нетрудно понять их глубокое разочарование непосредственными результатами революции 1867—1868 годов. Цепи феодального гнета сменились тяготами капиталистической эксплуатации, во многом позаимствовавшей формы и методы старых, добуржуазных отношений. (В скобках заметим: опыт мировой истории учит, что буржуазные революции вообще почти никогда и нигде не были способны *до конца* разрешить стоявшие перед ними широкие революционные задачи.)

Нам представляется очень важным подчеркнуть методологический аспект проблемы, необходимость строго следовать принципу историзма в оценке столь сложного и внутренне противоречивого узлового момента в истории Японии, каким являются события 1867—1868 годов. Правильная оценка этих событий возможна лишь при сопоставлении их как с предшествовавшим периодом истории Японии, так и с последующим. По сравнению с периодом Бакуфу «эра Мэйдзи» означала разительное продвижение Японии вперед по пути социального прогресса, начала становления новой, сравнительно более передовой социально-экономической формации. Следовательно, нельзя игнорировать значение революционных событий 1867—1868 гг., их недооценка была бы глубоко неправильной, антиисторичной. Но если сравнивать период «революции Мэйдзи» с последующим развитием японской истории, в

особенности с современным положением страны, то не менее очевидно, что нет никаких оснований для идеализации этой бесспорно важной исторической полосы. Капиталистическое развитие Японии носило уродливый характер и очень скоро обнажило свои глубоко антинародные, реакционные тенденции. Япония пришла к капитализму в ту историческую эпоху, когда он, оставаясь еще безраздельно господствующим, уже шел к своему естественному упадку, все больше утрачивал прогрессивные черты. Созревание японского капитализма происходило в канун перехода его в монополистическую стадию, и это обстоятельство не могло не наложить печать на весь его облик. Следует поэтому решительно отвергнуть всякие попытки апологетики «революции Мэйдзи» и пресловутого «японского пути».

Вместе с тем надо повторить, что совершенно неправомерно отрицать исторический прогрессивный характер революционных перемен, произошедших в жизни Японии во второй половине прошлого века. Полезно напомнить известное положение К. Маркса о том, что в условиях антагонистических формаций социальный прогресс неизбежно принимает насилиственную форму, связанную со страданиями, а иногда и с гибелью больших масс людей. Забвение этих жестоких, но простых истин непозволительно: оно может привести к идеалистическому пониманию истории.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУИМЕНИ Ф. СЕРГИЧНЫ